

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В IX-XI ВВ.

В.Н. Седых (Санкт-Петербургский ун-т, Россия)

Начальная русская летопись помещает на сопредельных с Ярославским течением Волги территориях племени *кривичей* (на Верхней Волге), *весь* (на Белом озере) и *мерю* (в районе озер Неро и Плещеево). Ярославское Поволжье, таким образом, является своеобразной контактной зоной смешанной культуры. Недаром так долго ведутся споры исследователей о том, кому принадлежат памятники эпохи раннего средневековья под Ярославлем. По мнению Я.В. Станкевич, ярославские могильники принадлежали славянам (словенам новгородским). М.В. Фехнер относил исследованные ею насыпи курганов к погребениям *веси*, Е.И. Горюнова и И.В. Дубов – летописной *мере*.

В конце I тыс. н. э. начинается освоение лесной зоны Восточной Европы славянским населением, которое проникает в районы, ранее занятые балтскими и финно-угорскими племенами. При этом означенные процессы совпали с продвижением в эти же области выходцев с севера. Раннесредневековые древности в данном регионе немногочисленны и представлены, прежде всего, курганными могильниками под Ярославлем и связанными с ними поселениями (Рис. 1). Наиболее исследованным и информативным является Тимеревский археологический комплекс, в состав которого входят погребальные древности (более пятисот комплексов), поселения общей площадью более 11 га и три клада арабских монет IX века. Анализ всего комплекса данных раскопок могильника и поселений, находок кладов позволяет попытаться более детально реконструировать историю населения Ярославского Поволжья в IX-X вв.

Тимеревский археологический комплекс (ТАК) под Ярославлем (Рис. 2) достаточно хорошо исследован в полевом отношении. Его материалы активно используются при решении историко-археологических проблем эпохи раннего средневековья Древней Руси. Это касается, прежде всего, вопросов славянского освоения лесной полосы Восточной Европы, а именно времени появления славян на Северо-Востоке, состава двигавшегося туда населения, роли скандинавов в этих процессах, характера взаимоотношений с субстратным финно-угорским населением. Общепринятой в настоящее время является точка зрения о достаточно раннем (IX век) проникновении славян в этот регион и о смешанном составе колонизационных потоков — славяне, скандинавы, финны Северо-Запада (Третьяков 1970; Седов 1982; Дубов 1982).

Тимеревский курганный могильник исследуется уже более ста тридцати лет и по-прежнему перспективен для полевого изучения — в его составе есть насыпи, подвергшиеся в прошлом грабительским или непрофессиональным раскопкам. Часть таких насыпей была исследована автором в 1984-1990 гг., когда были получены новые и важные материалы (Дубов, Седых 1992: 115-123; Седых 1997: 28-32; 2000: 173-197; 2001а: 173-188). Поселение, открытое в 1972 году, исследовалось в 1972-1978, 1983-1990 гг. Материалы первого этапа раскопок поселения опубликованы (Дубов 1982: 124-187).

Итак, по данным археологических исследований около середины IX века (по материалам кладов и наиболее ранних погребений некрополя) на территорию Ярославского Поволжья продвигается смешанное в этническом отношении население. Весьма заметен в нем скандинавский компонент, как наиболее выразительный на фоне малоинвентарных комплексов ранних погребений могильника. Как правило, такие погребения, совершенные по обряду трупосожжения на стороне практически без сопровождающего инвентаря, исследователи относят либо к славянским (И.И. Ляпушкин, В.В. Седов, И.В. Дубов), либо к финским (М.В. Фехнер, Н.Г. Недошивина). Вместе с тем, сравнение последних с рядовыми погребениями этого же времени могильников Скандинавии, в первую очередь Средней Швеции и Аландских островов, показывает их идентичность. Это касается вариантов обряда погребения, подкурганных каменных конструкций (ладья, круг и его варианты), погребального инвентаря (керамики, предметов быта и вооружения). Вполне вероятно, что основанное на некотором расстоянии от основной трассы Балтийско-Волжского торгового пути, на удобных почвах, поселение на первых порах задумывалось как чисто сельское, *аграрное*. Однако благодаря активности части населения, прежде всего скандинавов, вскоре жители Тимерева, Михайловского, Петровского включаются в торговые операции, осуществляемые в зоне Великого Волжского пути (ВВП), свидетельством чего являются предметы импорта и крупные по меркам второго периода обращения дирхама клады. Волжскому пути посвящены значительные исследования; не останавливаясь на этом

вопросе подробно, лишь отмечу, что функционирование ВВП явилось, наряду с расселением восточных славян в лесной зоне Восточной Европы, одним из основных факторов, способствовавших образованию Древнерусского государства (Дубов 1999; Мельникова 1999; Носов 1999; и др.).

Три клада Тимерева по младшим монетам датируются 60-ми годами IX столетия (867, 869 и 865 гг.). Среди монет кладов имеется ряд достаточно редких в нумизматическом отношении экземпляров. На монетах первых двух кладов зафиксированы граффити (Рис. 3-6), среди которых имеются рунические, в том числе надпись «бог» (Рис. 7), что подчеркивает связь кладов из Тимерева с севером Европы.

В материалах ТАК, Петровского и Михайловского могильников известно значительное число скандинавских находок — разнообразные фибулы, составные костяные орнаментированные гребни, поясные наборы, шкатулки, перстень с изображением сокола, привеска с изображением «сегнерова колеса», железные обручи с миниатюрными молоточками Тора, импортная посуда, специфическая керамика с загнутым внутрь венчиком и др. Особо следует отметить находки кусков воска и лепешек из теста, нанизанных на железную проволоку. Частой находкой в комплексах поселения (в могильнике известна лишь одна находка в комплексе кургана № 297 с камерным погребением) являются *глиняные грузила от вертикального ткацкого станка*, которые служат достаточно четким индикатором скандинавского присутствия в материалах памятников (Седых 1995: 56-60). Действительно, они встречены в памятниках Древней Руси IX-X вв., в составе которых отчетливо выявлен скандинавский компонент (Рис. 8).

Следует обратить внимание на находки на поселении и в могильниках *керамики с загнутым внутрь венчиком* (Рис. 9). Такие сосуды, разнообразные по своим пропорциям, составляют, по свидетельству Д. Селлинг, большой процент керамики из памятников раннего средневековья на территории Швеции (тип AIV: 3al), при этом истоки данной формы прослежены и в более ранних материалах — это так называемые *кумфы* позднеримского времени. Варианты сосудов типа 9 (по нашей классификации) соответствуют группе керамики местного производства (*einheimische Keramik*), найденной на территории Швеции (тип AIV). Эта группа местной керамики имеет наибольшее распространение в период с четвертой четверти IX столетия до 1000 года (Selling 1955: 166-174, 226). В Тимереве сосуды этого типа датируются тем же временем, что и в Швеции (Седых 2001б: 155). Кроме Швеции, аналогичные сосуды происходят из курганов на Аландских островах (Гакман 1901: 108-112; Kivikoski 1963; 1980), поселений Дании, Германии и др. (Madsen 1971: 64-105, fig. 66, 67, 69; Knudsen, Schjørring 1992: 15; Meier 1998: 120, abb. 3, 1, 2; и др.).

В материалах могильника сосуды типа 9 представлены, главным образом, в погребениях по обряду трупосожжения, совершенных на подсыпке на месте сооружения кургана с использованием деревянных конструкций, а также при труположениях, в том числе в камерных могилах. Они входили в состав погребального инвентаря, а также использовались в качестве урн, в том числе обложенных камнями и накрытых камнем (например, курган № 263-II) или массивной железной пластиной (курган № 202). Захоронения сопровождались кальцинированными костями животных (лошадь, корова, баран, собака) и необожженными скелетами или отдельными костями курицы — обычными атрибутами скандинавских погребений Фенноскандии.

В составе комплексов, в которых обнаружены данные сосуды, среди наиболее частых находок можно назвать костяные орнаментированные гребни, шипы, поясные наборы, гирьки, копоушки, привески-астргалы бобра, шкатулки, различные украшения, скандинавские фибулы, заклепки, импортную посуду и др. Особо следует отметить находки в комплексах с рассматриваемой керамикой кусков воска, лепешек из теста, нанизанных на железную проволоку, и *глиняных лап и колец*. Новые находки подтверждают наличие сильной связи глиняных лап и колец с предметами погребального инвентаря (помимо керамики), в том числе с предметами культа (например, железный обруч с миниатюрным молоточком Тора в кургане № 474 могильника) и деталями погребальной обрядности (например, каменное кольцо в кургане № 209) скандинавского происхождения. По мнению шведского исследователя И. Янссона, сочетание железной гривны и глиняной лапы является отчетливым этническим индикатором эмигрантов с Аландских островов и Средней Швеции (округ оз. Меларен). Сравнительный анализ комплексов с лапами из могильников на Аландских островах и в Ярославском Поволжье позволяет утверждать их тождественность (Седых 1995: 60-67). Кроме того, в комплексах Ярославского Поволжья найдены лапы специфически *аландской* (по Э. Кивикоски) *формы* (Седых 1995: 63, рис. 2, 1) — Рис. 10. Таким образом, есть основания предполагать прямое проникновение лап с Аландских островов в период активных и тесных связей Ярославского Поволжья с Фенноскандией. Могу предположить, что обряд погребения, включавший в себя как составную часть инвентаря имитации звериных лап (*медвежьих*, по нашему мнению), зародился в области Средней Швеции в начальный период освоения шведами Аландских островов (в материковой Швеции пока известна лишь одна находка глиняной лапы) и получил развитие уже на упомянутых островах. Наличие выходцев с Аландских островов определенно фиксируют в материалах погребений Тимерева как отечественные (Фехнер, Недошивина 1987: 87), так и шведские исследователи (Jansson 1987: 781-784; Callmer 1994: 13-46).

Говоря о присутствии скандинавов в Ярославском Поволжье, необходимо кратко остановиться на отдельных индивидуальных находках. К таковым необходимо отнести достаточно редкие даже для Скандинавии находки бронзовых крючков – деталей мужского скандинавского костюма со стилизованными изображениями звериной головы или птицы, при помощи которых крепились подвязки. Пара таких крючков в виде птиц была найдена в комплексе второй половины X в. кургана № 383 Тимерева, где было зафиксировано трупосожжение на месте сооружения кургана на кострище треугольной формы (Фехнер 1963б: рис. 7, 3). Еще одной редкой находкой являются бронзовые накладки, очевидно, от конской сбруи, украшенные орнаментом в стиле Борре с изображением стилизованных звериных голов, обнаруженные как на Тимеревском поселении (Дубов 1982: рис. 13, 13), так и в комплексе распаханного кургана некрополя (Дубов 1982: рис. 6, 9). К подобного рода находкам относится и фрагмент бронзовой скандинавской равноплечной фибулы IX столетия (Sedyh 2000).

Особого рассмотрения заслуживает находка бронзовой плоской прорезной литой подвески округлой формы с ушком (Рис. 11). Экземпляр из Тимерева входит в круг изделий, орнаментированных в *стиле III*, по Бернхарду Салину (Salin 1935), или в *вендельском стиле E*, по Грете Арвидссон (Arwidsson 1942), который датируется скандинавскими исследователями 750-830 гг. Точных аналогий тимеревской находке обнаружить не удалось. Близкие по схеме и отдельным элементам подвески происходят из материалов памятников областей Средней Швеции – Упланда (20 экз.), Седерманланда (3 экз.), Смоланда (3 экз.), островов Готланд (5 экз., три из которых изготовлены, возможно, по одному образцу) и Эланд (1 экз.).

Вне Швеции единичные находки подобных подвесок обнаружены на Аландских островах (2 экз.). Вопрос о месте производства подвесок, очевидно, следует решить в пользу областей Средней Швеции и прилегающих к ней с юга районов, включая Готланд. Такой элемент как строенные выпуклости сближают готландские и тимеревскую находки. В целом, отмеченные аналогии датируются второй половиной VIII – началом IX в., вероятно, не позднее 840-х годов, когда начинается распространение изделий в *стиле Борре*. Этим же временем, очевидно, датируется и тимеревская находка. Круг аналогий очерчивает исходную территорию, население которой в IX столетии принимало участие в освоении региона Верхней Волги.

Характеризуя присутствие на территории Ярославского Поволжья скандинавов, необходимо обратиться к материалам, свидетельствующим о проникновении христианства в древнерусское общество. В комплексах погребений Тимерева зафиксированы находки кусков воска (курганы №№ 100 и 323). Из некрополя Тимерева происходят и самые ранние находки крестов, вырезанных из монет, известные на территории Древней Руси (курганы №№ 417 и 459 - Рис. 12). Оба крестика имеют неправильную асимметричную форму и носят следы поспешной работы. Вероятно, подвески были сделаны специально для погребения, незадолго до его совершения. В таком случае крестовидные привески были не просто украшениями, но являлись амулетами, крестами-тельниками, положенными в захоронения с определенными ритуальными целями. Уже исследователи этих курганов могильника М.В. Фехнер и Н.Г. Недошивина отмечали, что крест из дирхама — не только украшение, но и "ритуальный предмет, связанный с распространением христианской религии", изготовленный специально для погребения, без которого "захоронение считалось невозможным". Из кургана № 237 происходит еще одна интересная монета. Это — обрезанный по кругу дирхам Насра ибн Ахмада (914-943 гг.), на поверхности которого недавно зафиксирован четко прочерченный четырехконечный крест (Рис. 13). Монета фрагментирована — отсутствует нижний конец креста. Очевидно, это произошло при изготовлении креста при попытке отделить от монеты один из четырех сегментов.

Кресты, вырезанные из монет, являются крайне редкой находкой, и характерны исключительно для Древней Руси. Известно еще два креста, но вырезанные из западноевропейских денариев, которые происходят из погребений XI в. (курган 9, погребение № 1 — вторая половина XI в. и грунтовая могила 7 — XI в.) Кемского некрополя в Белозерье (Седых 2001; Sedykh 2005). Эти монеты, очевидно, использовались в качестве *христианских символов*, а их появление было связано с проникновением христианства в древнерусское общество. Это подтверждается находками на других памятниках Древней Руси денариев и византийских монет, центральным изображением которых является крест, а также изображениями в виде крестов, в том числе восьмиконечного, монограммы «Иисус Христос» и надписи «христианство», выполненными на монетах в технике граффити. Первыми же их этих предметов личного благочестия были тимеревские монеты-кресты.

В X веке количество и ассортимент привозных северных вещей увеличивается, а количество погребений, совершенных по норманнскому обряду, снижается. Это свидетельствует о размытии этнических черт в коллективах, оставивших погребальные комплексы этого времени. Но именно во второй половине этого столетия мы фиксируем появление больших и богатых курганов в ярославских могильниках. Среди них погребения в камерах, как мужские, так и женские, а также парные (мужчина-скандинав и женщина финно-угорского происхождения), сопровождавшиеся находками монет, торгового инвентаря, богатыми поясными наборами, фибулами, предметами культа, остатками

богатых уздечных наборов, шкатулок с предметами роскоши и т.п. В 50% камерных и срубных захоронений встречен торговый инвентарь — монеты, весы и гири. Из 14-ти выявленных камерных и срубных захоронений Тимерева 10 — скандинавские (Sedyh 2000).

Наличие богатых дружинных захоронений некрополя Тимерева, в том числе совершенных в деревянных камерах и срубных могилах, захоронений женщин и детей в больших и богатых курганах, отдельных "усадеб" на поселениях отражают процесс дальнейшего расслоения общества в середине — второй половине X столетия и начало процесса формирования древнерусской народности на этой территории. Специальное исследование показало, что при этом военной традиции и социальной состав населения Тимерева остаются в целом неизменными на протяжении всего X — первой половины XI в. Несомненно, что ведущую роль в военной организации Тимерева играли скандинавы. При этом исследователями отмечаются параллели со Средней Швецией, Аландскими островами, в последних публикациях — с Данией и южной Норвегией. В конце X — начале XI века скандинавские элементы в материалах памятников перестают прослеживаться.

Исследования керамического материала показали, что в комплексах поселения (как и некрополя) ясно прослеживается высокая степень смешанности населения в начальный период существования Тимерева. Керамика раннего этапа освоения территории Ярославского Поволжья отчетливо указывает на наличие двух больших этнических пластов: пришлого и местного, финно-угорского. Преобладающим, очевидно, являлось финно-угорское население, которое было сложным по составу. По существу мы имеем ряд разрозненных элементов материальной культуры финно-угорского происхождения, фиксируемых в Волго-Окском междуречье, не дающий возможности соотнести их с конкретной финно-угорской группировкой. Однако среди смешанного финского населения Тимерева отчетливо фиксируется местное население волжско-финского происхождения — аналогии некоторым формам сосудов известны только в древностях волго-окских группировок. Взаимодействие финно-угров с пришлым, смешанным в этническом плане населением, судя по керамическим материалам, началось достаточно рано — в IX веке. Второй этнический пласт — пришлое население с Северо-Запада, Скандинавии, земель смоленско-полоцких кривичей и пермское население Прикамья. В составе населения Северо-Запада, очевидно, были новгородские словене, кривичи, переселившиеся на Северо-Запад с территории Поднепровья, западные финны, а также скандинавы (Седых 1998).

Наиболее отчетливо в материалах Тимерева представлен «прикамский комплекс», включающий в себя костяные орнаментированные копоушки, орнаментированный гребень с высокой спинкой, которая завершается зооморфными украшениями в виде стилизованных звериных головок, обращенных друг к другу, кресало с бронзовой ручкой в виде голов зверей, повернутых друг к другу, роговую рукоять Т-образной формы со сквозными отверстиями для шильев и своеобразную по форме и технологии изготовления прикамскую керамику — с круглым или округло-уплощенным дном, богато орнаментированную, изготовленную из глины с примесью толченой раковины (Рис. 14). Рассмотренные материалы с очевидностью свидетельствуют о миграции групп пермского населения Прикамья на территорию Ярославского Поволжья в эпоху раннего средневековья.

Один из комплексов погребения содержал в инвентаре бронзовый браслет, который исследователи относят к украшениям *мещеры* (Рябинин 1995).

О присутствии собственно славян на территории Ярославского Поволжья на основании керамического материала можно говорить лишь начиная с середины — второй половины X в. В материалах Тимеревского поселения, как и древнерусских селищ IX — начала XI в. на Северо-Востоке Руси, трудно выявить «славянский комплекс» материальной культуры. Вместе с тем, его наличие и безусловный приоритет в сложении древнерусского населения ни у кого сомнений не вызывают. В целом, славянские украшения редки и встречаются в поздних комплексах, в керамическом наборе славянская посуда относится к сосудам редких форм, которые немногочисленны и не составляют устойчивых и представительных серий в отличие от керамики финской.

Многоэтничный состав населения Тимерева в IX-X в. отражает процесс освоения новых земель, на первых порах, очевидно, без участия в нем славянского населения. Тимерево — первое поселение в Волго-Клязьминском междуречье, основанное выходцами извне. В отличие от более поздних поселений этого региона, Тимерево возникло на необжитом месте и не связано напрямую с памятниками предшествующего времени, как это имело место в мерянской земле, прежде всего в районах озер Неро и Плещеево и в Ополье. На раннем этапе весьма заметна роль выходцев из Фенноскандии, принесших в регион, наряду с предметами быта, оружием и украшениями, элементы духовной культуры — курганный способ захоронения и предметы культа — глиняные лапы (Седых 1995).

Основными занятиями жителей центра были торговля, ремесла и военное дело, что нашло отражение в материалах комплекса. Вместе с тем, население Тимерева занималось сельским хозяйством, охотой, рыболовством, различными промыслами. Выделенные категории импортов свидетельствуют о прочных связях Тимеревского центра со Скандинавией, Востоком и Византией. Время расцвета Тимерева — середина X века — совпадает с расцветом восточной торговли. Тимеревское, Михайловское и Петровское поселения входили, наряду с Ладогой, Рюриковым

городищем, Гнездовым и др., в единую систему торгово-ремесленных и военно-административных центров Восточной Европы эпохи раннего средневековья. Перечисленные памятники стоят в одном ряду с другими раннегородскими торгово-ремесленными центрами Балтийского региона, такими как Хедебю и Риббе в Ютландии, Каупанг в Норвегии, Павикен на Готланде, Хельё и Бирка в Швеции, Ральсвик, Любек, Менцлин и др. на южном побережье Балтийского моря, и были непосредственно с ними связаны.

Концентрация крупнейших для IX века кладов арабского серебра, находок предметов быта, оружия и украшений импортного происхождения, большая площадь поселения, многоэтничный состав его населения позволяют сделать вывод, что Тимерево являлось ключевым торгово-ремесленным и военно-административным пунктом на Балтийско-Волжском пути. Начало функционирования Тимерева относится к третьей четверти IX века, о чем свидетельствуют клады, первые погребения могильника и ранние комплексы поселения. С включением территории Ярославского Поволжья в состав Древнерусского государства Тимерево, учитывая имевшийся потенциал, могло играть роль опорного пункта княжеской власти на местах — погоста и одновременно опорного пункта для дальнейшего освоения финно-угорских земель, которое в массовом порядке началось во второй половине XI века переселением крестьян-земледельцев уже с помощью формирующейся феодальной власти.

В ходе активного государственного освоения и строительства в Залесской земле был основан и город Ярославль. Официально принятой датой основания города является 1010 год, хотя впервые летописью собственно город Ярославль упомянут под 1071 г. при описании известного восстания в Ростово-Суздальской земле. Проведенные на территории города отрывочные археологические исследования пока не могут уточнить летописные известия. Сейчас можно говорить о наличии материалов не ранее середины-второй половины X века, что подтверждает предположение исследователей о существовании поселения на месте будущего города в докняжеский период.

Учитывая хронологию, характер и значение раннесредневековых комплексов близ Ярославля — Тимеревского, Михайловского и Петровского — можно предположить, что в конце X — начале XI в. в районе Ярославля имело место явление, характерное для Древней Руси этого периода, — «перенос города» (Дубов 1983). Аналогичная ситуация фиксируется археологически для ранних Новгорода, Смоленска, Чернигова и др. Отсутствие материалов из раскопок Михайловского и Петровского поселений не позволяет выявить их соотношение между собой и детально реконструировать механизм «передачи функций» от раннегородских центров поселению нового типа — княжескому городу Ярославлю. Решение этой проблемы — одно из перспективных направлений в изучении ранней истории Северо-Восточной Руси.

Литература:

- Гакман, А. 1901. Археологические раскопки в Аландии летом 1901г. // ИАК. № 38: 108-112. Санкт-Петербург.
- Дубов И.В. 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Ленинград.
- Дубов И.В. 1983. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии / Проблемы отечественной и всеобщей истории: 7. Ленинград.
- Дубов И.В. 1999. Великий Волжский путь в истории Древней Руси // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань.
- Дубов И.В., Седых В.Н. 1992. Новые исследования Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров. Доклады IV советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб.
- Мельникова Е.А. 1999. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань.
- Носов Е.Н. 1999. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
- Рябинин Е.А. 1995. Средневековая мещера: опыт историко-культурной интерпретации // Древняя Русь: новые исследования. (Славяно-русские древности. Вып. 2). СПб.
- Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. Москва.
- Седых, В.Н. 1995. Изделия из глины на памятниках Ярославского Поволжья IX - XI вв. // Проблемы истории северо-запада Руси. (Славяно-русские древности. Вып. 3): 55 – 72. Санкт-Петербург.
- Седых В.Н. 1997. Большие курганы Древней Руси // Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў. Гістарычна-археалагічны зборнік. № 11. Мінск.
- Седых В.Н. 2001а. Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути»: 173-188. Казань.

- Седых В.Н. 2001б. О функциях монет в погребениях Древней Руси // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16-21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 106-108
- Третьяков П.Н. 1970. У истоков древнерусской народности // Материалы и исследования по археологии СССР 179. Ленинград.
- Фехнер М.В. 1963б. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X-XI вв.: 5-19. Москва.
- Фехнер М.В., Н.Г. Недошивина. 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // Советская археология 2: 70-89.
- Arwidsson G. 1942. Vendelstille. Email und Glas im 7-8. Jahrhr. Uppsala.
- Callmer J. 1994. The Clay Paw Burial Rite of the Åland Islands and Central Russia: A Symbol in Action // Current Swedish Archaeology. Vol. 2: 13-46.
- Jansson I. 1987. Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Nr. 156: 781-784. Göttingen.
- Kivikoski E. 1963. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki.
- Kivikoski E. 1980. Långängsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland // SMYA. № 80. Helsingfors.
- Knudsen B.M., O. Schjørring 1992. Fra grubehus til grillbar. Horsens i 1000 år. Horsens.
- Madsen H.J. 1971. Keramik // Andersen H.H., Crabb P.J., Madsen H.J. Århus Sønderovold en byarkæologisk undersøgelse: 64-105. København.
- Meier D. 1998. Winning — Eine wikingerzeitliche Siedlung am Ufer der inneren Schlei // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster.
- Salin B. 1935. Die Altgermanische Thierornamentik. Stockholm.
- Sedyh V. 2000. Timerevo — un centre proto-urbain sur la grande voie de la Volga // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997, édités par M.Kazanski, A.Necessian et C.Zuckerman (Réalités byzantines 7): 173-197. Paris.
- Sedykh V. 2005. On the Functions of Coins in Graves in Early Medieval Rus' // Russian History. Vol. 32. Nos. 3-4. Chicago, 2005. Pp. 471-478.

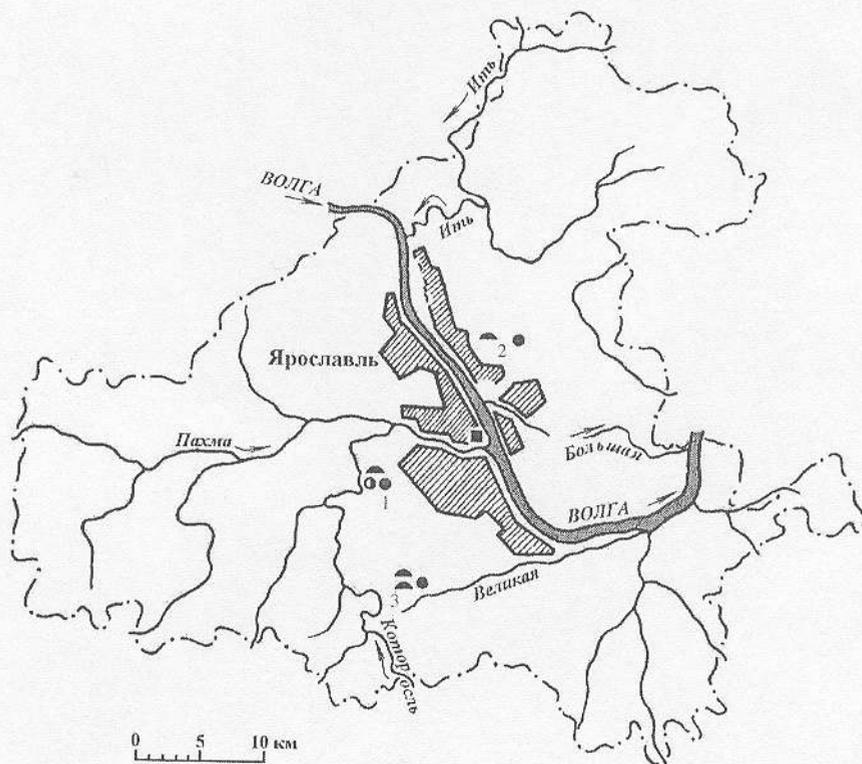

Рис. 1. Раннесредневековые древности Ярославского Поволжья: 1 – Тимеревский археологический комплекс; 2 – Михайловский археологический комплекс; 3 – Петровский археологический комплекс.

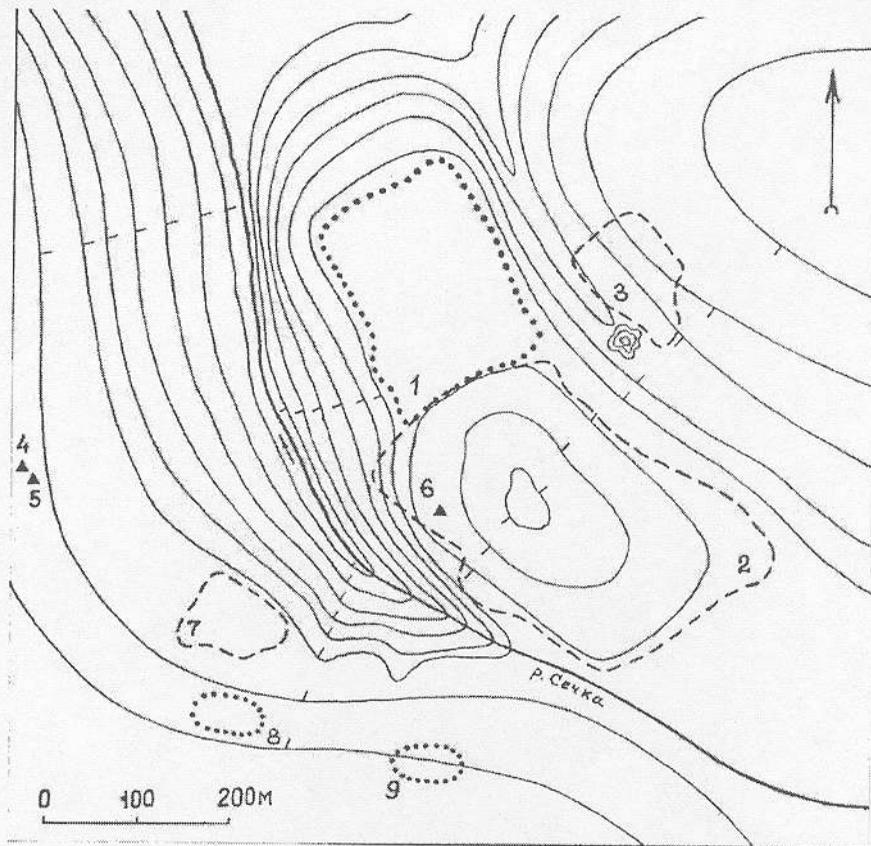
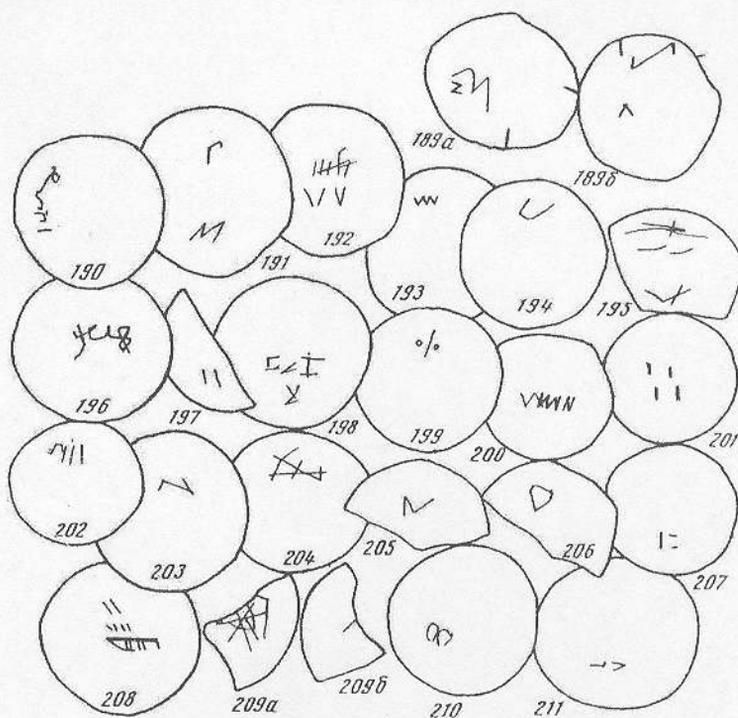
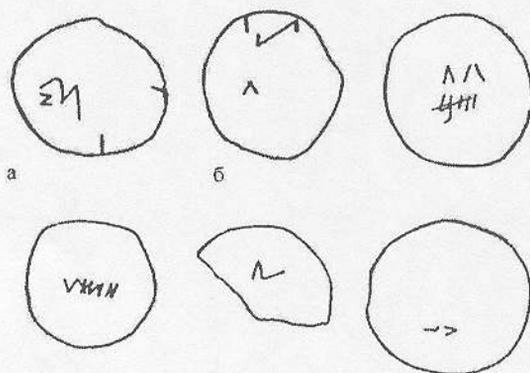

Рис. 2. Тимеревский археологический комплекс. 1 — курганный могильник у дер. Большое Тимерево; 2 — основная площадка поселения; 3 — площадка поселения у дер. Большое Тимерево; 4 — клад арабских монет 1967 г.; 5 — клад арабских монет 1968 г.; 6 — клад арабских монет 1973 г.; 7 — площадка поселения у дер. Малое Тимерево; 8 — курганный могильник у дер. Малое Тимерево; 9 — курганный могильник у дер. Гончарово.

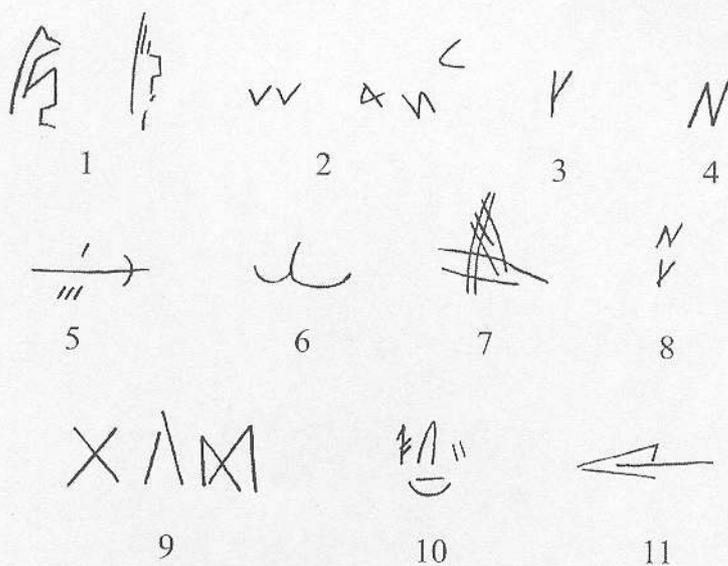
Граффити на монетах Тимеревского клада 1968 г.
(по: Нахапетян, Фомин 1994).

Рис. 3. Граффити на монетах Тимеревского клада 1968 г. (по: Нахапетян, Фомин 1994).

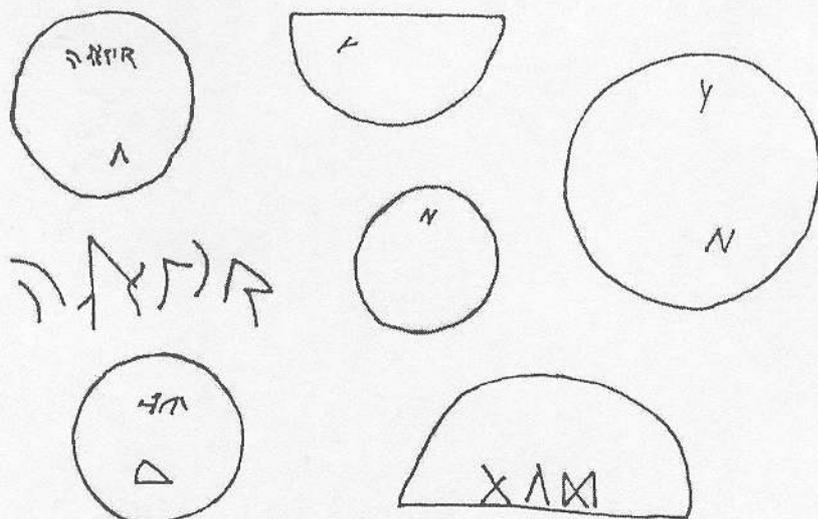
Рунические граффити на монетах Тимеревского клада
1968 г. (по: Мельникова 2001).

Рис. 4. Рунические граффити на монетах Тимеревского клада 1968 г. (по: Мельникова 2001).

Граффити на монетах Тимеревского клада 1973 г.
(по: Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991).

Рис. 5. Граффити на монетах Тимеревского клада 1973 г. (по: Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991).

Рунические граффити на монетах Тимеревского клада 1973 г. (по: Мельникова 2001).

Рис. 6. Рунические граффити на монетах Тимеревского клада 1973 г. (по: Мельникова 2001).

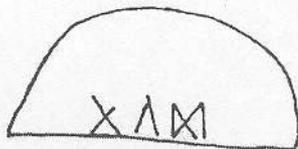

Рис. 7. Надпись «Бог» на монете из Тимеревского клада 1973 г. (по: Мельникова 2001).

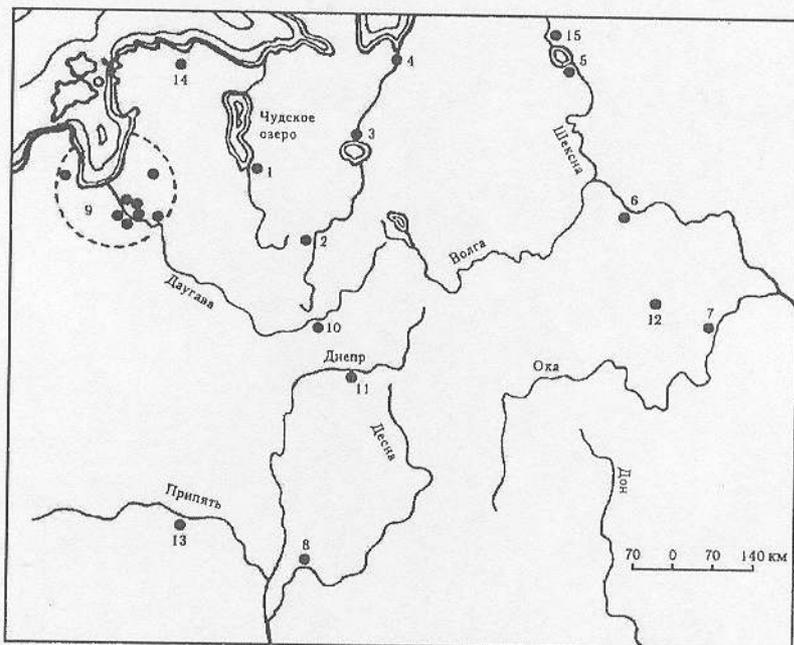

Рис. 2. Карта распространения находок дисков от вертикального ткацкого станка:
 1 – Псков; 2 – Городец на Ловати; 3 – Новгородское (Рюриково) городище и Новгород; 4 – Ладога;
 5 – Белоозеро; 6 – Тимерево; 7 – Тумовское селище; 8 – Шестовицы; 9 – бассейн нижнего течения Даугавы;
 10 – Витебск; 11 – Гнездово; 12 – Суздаль; 13 – городище «Бесова гора»; 14 – селище Пада (Эстония);
 15 – селище Никольское V на р. Кема

Рис. 8. Карта распространения находок дисков от вертикального ткацкого станка.

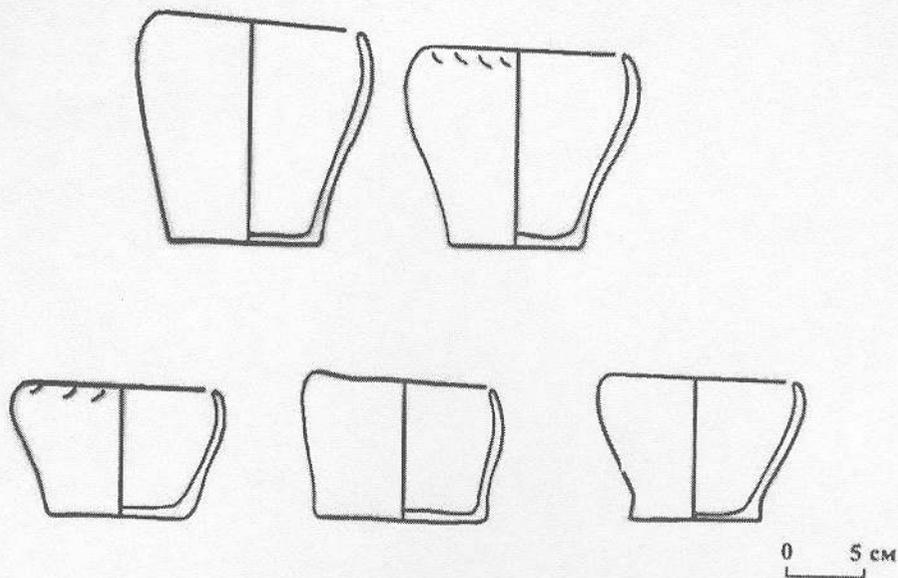

Рис. 9. Скандинавская глиняная посуда из погребальных комплексов Тимерева.

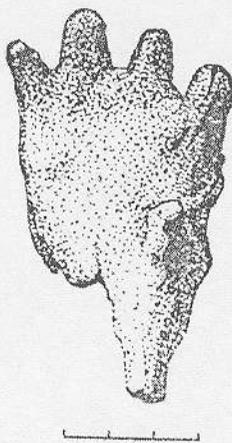

Рис. 10. Глиняные лапы аландской формы из погребальных комплексов Тимерева.

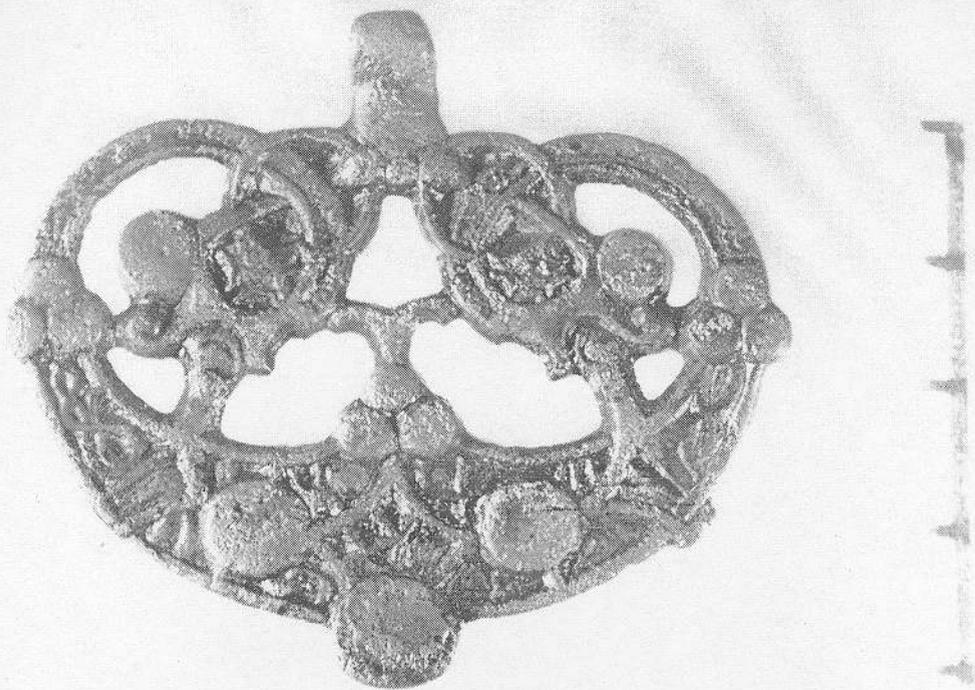

Рис. 11. Подвеска поздневендельского времени из раскопок в Тимерево.

Рис. 12. Крест, вырезанный из арабской монеты (курган № 459).

Дирхам с граффито в виде четырехконечного креста из кургана № 237.

Рис. 13. Дирхам с граффито в виде четырехконечного креста из кургана № 237 Тимеревского могильника (Саманиды, Наср ибн Ахмад, 914-943 гг., год и город обрезаны – определение И.Г. Добровольского). Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. ЯМЗ-7086/26.

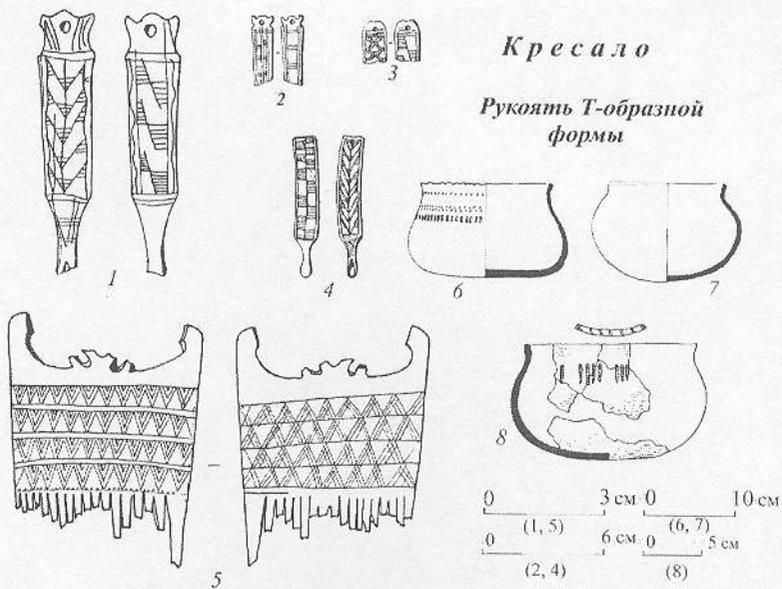

Рис. 14. Пермские вещи в составе находок ТАК: 1, 5-7 – поселение; 2-4, 8 – могильник.

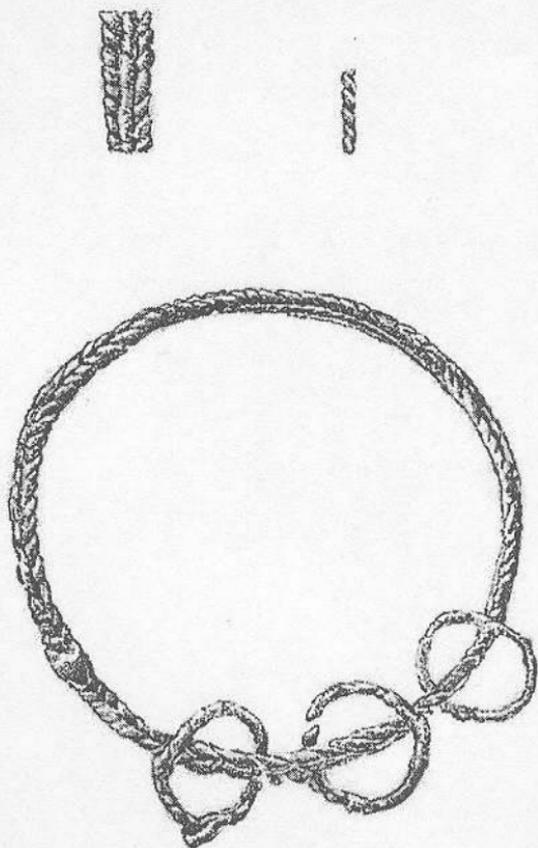

Рис. 15. Украшения мещеры из раскопок Тимеревского некрополя.